

А. Л. Шарандин (Тамбов)

**КОННОТАЦИЯ В АСПЕКТЕ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ И
ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА¹**

Концептуальное содержание терминов «отражение» и «интерпретация» в той или иной степени всегда были представлены в исследованиях, объектом которых являлся язык. В большей мере предпочтение отдавалось отражательной функции языка, поскольку эта функция была сориентирована на теорию информации, представленную в коммуникации, и на системоцентрическое изучение языка. В настоящее время в центре внимания исследователей более востребованным оказывается термин «интерпретация», особенно в связи с представленным в лингвистике антропоцентрическим подходом. Это естественно, если учесть, что интерпретация является когнитивной способностью чело-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

века, которая позволяет ему не только воспринимать мир как отражение, как некий «слепок» действительности, но и перерабатывать эту отражательную информацию с точки зрения **отношения** к ней, включая такие когнитивные свойства человека, как его чувства, способность давать оценку, определять сферу использования. В результате мы имеем исследовательскую позицию, согласно которой отражение и интерпретация осознаются в их единстве и целостности. В данном случае для человека важно не только отразить мир в понятиях и образах, но и осмыслить уже познанный семиотическим (знаковым) способом мир с других позиций – путем **интерпретации**, которая предполагает определенное чувство-отношение человека с позиций его внутреннего мира к отражению внешнего.

Таким образом, мир предстает в **двух ипостасях познания** – как **отраженный** системоцентрический мир, в основе которого рационально-рассудочный (логический) способ его осознания, и как экзистенциально-антропологический мир, предполагающий в осознании его бытия и восприятия значительную роль **интерпретации**. Язык же обеспечивает коммуникативную востребованность процессов и результатов отражения и интерпретации. Наиболее полно эти результаты в их единстве и целостности представлены в слове и его формах, в концептуальном содержании которых вполне логично выделение отражательной семантики и интерпретационной семантики. **Отражательная семантика** – это первичные знания о предметах и явлениях действительности, полученные логико-рассудочным способом, который позволяет сформировать предметно-понятийное содержание о мире и отразить его в слове в качестве лексического значения. Эти исходные знания сформировались у человека в результате концептуализации/категоризации действительности и представляют собой ментальный лексикон человека. **Интерпретационная семантика** – это антропоцентрически ориентированное содержание, пронизанное человеческим отношением к отраженным первичным знаниям. В результате интерпретационная семантика может рассматриваться как **вторичная** по отношению к предметно-понятийному содержанию слова.

Таким образом, под **интерпретацией** мы понимаем познавательный процесс, посредством которого в сознании человека формируется субъективная концептуализация объекта действительности, репрезентация которого находит свое языковое выражение в том или ином виде интерпретационной (интерпретативной) семантики. Эта семантика субъективна по своей природе и направлена на субъективное понима-

ние (истолкование) объекта интерпретации, включая язык и знания о нем, о мире и человеке. Ментальной основой интерпретации, как и отражения, являются процессы концептуализации и категоризации, различные стороны которых оказываются коммуникативно значимыми и востребованными для общения, восприятия и понимания мира в его конкретной форме бытия. При этом мы имеем в виду **относительный характер противопоставления отражательного и интерпретационного типов семантики**.

Отражение мира в языке не выступает, если так можно выразиться, в чистом виде. Мир не отражается человеком зеркально, фотографически. **Языковое сознание предполагает и на этапе отражения процедуру интерпретации**, сущность которой в этом случае заключается в выборе существенных признаков предметов и явлений действительности и включении их в предметно-понятийное содержание слова. Поэтому **языковая картина мира в любом случае является интерпретируемой картиной мира**. Первичные знания, отраженные в лексическом значении слова, одновременно (по своему характеру и природе) являются и интерпретируемыми. Когда мы говорим о собственно интерпретируемой семантике, то в большей степени имеем в виду **вторичные знания**, которые являются результатом отношения человека к отраженным первичным знаниям.

В этом единстве отражательный (смысловой) и интерпретационный компоненты могут быть рассмотрены в раздельности и некоем противопоставлении друг к другу только с позиций познания их разной природы и сущности в рамках исследовательской цели или задачи. Более или менее четкое их выявление и описание присутствует в тех случаях, когда отражательная и интерпретационная семантика имеют свои языковые средства выражения, свои языковые формы. Разные формы слова либо выражают отражательные значения, меняющие смысл слова и высказывания, либо, при тождестве или сходстве отражательного смысла, заключают в себе разные способы его языковой семантической интерпретации. Поэтому в первом случае можно говорить о преимущественно отражательном характере языковой формы, а во втором – о преимущественно интерпретирующем характере формы слова. Но в целом отношения между отражением и интерпретацией как типами сознания, имеющими репрезентацию в языке, предполагают относительный характер.

Интерпретационные характеристики присутствуют на различных уровнях языковой системы в составе разноуровневых

единиц, имеющих различную природу и сущность. Вследствие этого интерпретационная семантика в содержательном отношении оказывается различной.

В рамках настоящей статьи представлено соотношение отражения и интерпретации в языковых образованиях с коннотативным значением. Проблема коннотации относится к наиболее обсуждаемым в современной лингвистике в свете приоритетной научной парадигмы – антропоцентрической. Это не случайно, поскольку коннотация наиболее ярко демонстрирует антропоцентрический характер слова как языкового знака, находя отражение в его семантической структуре.

В научной литературе нет однозначного мнения исследователей о характере и языковом статусе словесных образований с коннотативным значением. Несомненно лишь одно: коннотация связана прежде всего с эмоционально-оценочной сферой речемыслительной деятельности человека. Эмоционально-оценочные знания являются своего рода ядром или прототипом коннотации.

В школьной и вузовской практике значения, например эмотивности (*брат – братик*) или оценочности (*учитель – учительшика*), включаются в состав собственно лексического значения, хотя, строго говоря, такое включение оказывается несоответствующим школьному и вузовскому пониманию лексического значения как названия новых предметов и явлений действительности. В случае с коннотацией мы не имеем такого рода названий (обозначений). В отношениях типа *брат – братик, братишка* не происходит перевода предметно-понятийного содержания (лексического значения) в новое обозначение, т. е. не наблюдается собственно словообразования (мутационного, связанного с образованием нового понятия), а наблюдается модификация исходного предметно-понятийного содержания с учетом его восприятия и интерпретации в эмотивном (уменьшительно-ласкательном) значении. Поэтому не случайно в школьной и вузовской практике такого рода образования часто называют уменьшительно-ласкательными **формами**.

Рассматривая такой коннотативный компонент, как эмоции, отметим, что они в русском языке имеют два основных способа выражения. Во-первых, эмоции могут выражаться в ситуации «здесь» и «сейчас», для чего используются высказывания-реакции (например, междометные высказывания), непосредственно выражающие эмоции. Во-вторых, в языке возможна информация об эмоциях описательного характера. В этом случае эмоции становятся предметом суждений. Это

значит, что появляется возможность аккумулировать данную информацию в слове-знаке. И здесь возможны два пути: 1) информация об эмоциях включается в лексическое значение слова (а точнее, оказывается лексическим значением), поскольку произошло обобщение признаков или выделение какого-либо характерного, отличительного признака, то есть происходит **номинация эмоции**. Языковой знак, выражающий ее, оказывается связанным с понятием и оформляет его грамматически, например: *радость, горе, гнев* и т. п.; 2) информация об эмоциях оказывается **дополнительной по отношению к лексическому значению**, как бы «окрашивая» его. В этом случае значение эмоциональности квалифицируется как коннотативное значение.

Как правило, словарные статьи таких слов содержат пометы типа «ласк.», «шутл.» и др. Например, «ласк.»: *бабуля, братик, глазенки*; «шутл.»: *старикан*. В приведенных примерах эмотивное значение (точнее, коннотативно-эмотивное) морфемно выражено (ср.: *брат – братик*; *старик – старикан*). Если же подобного рода мотивация отсутствует, то в этом случае эмотивное значение оказывается собственно лексическим, *знаком эмоции*, отражающим ее сигнификативные свойства. Например: *печаль, любовь* и т. д.

В результате мы будем иметь **два типа интерпретации**. Если эмоции оказываются лексическим (знаковым) содержанием слова, то в этом случае представлена **рациональная интерпретация**, являющаяся одновременно отражательной сущностью эмоций как проявления внутреннего мира человека. Если же эмотивный компонент включается в расширенную семантическую структуру слова, то мы имеем дело с **субъективной (эмоциональной) интерпретацией** по отношению к отражению – предметно-понятийному содержанию.

На наш взгляд, **коннотативные формы** – это такие образования, которые тождественны лексически (в семиотическом, в предметно-понятийном смысле), но различны по интерпретативной коннотативной окраске. При этом коннотативные формы имеют свое значение, которое, будучи преимущественно интерпретационным по своему характеру, выявляется в оппозиции с формой, имеющей нулевую (материально невыраженную) коннотацию (или, в более привычной терминологии, нейтральную). В функциональном отношении коннотация «обслуживает» (структурирует) лексическое значение с целью передачи информации через «чувство – отношение» говорящего к обозначаемой действительности.

Таким образом, определяя различия в языковой семантике каких-либо единиц, мы прежде всего осмысливаем и описываем знания, которые сформировались в языковом сознании с учетом признаков, **отражаемых и интерпретируемых** человеком **в качестве коммуникативно значимых**. В связи с этим семантическая структура слова оказывается языковым репрезентантом **разных концептуальных пространств**, присущих различным разноуровневым языковым единицам, которые использует человек в своем едином и целостном коммуникативно-дискурсивном пространстве.